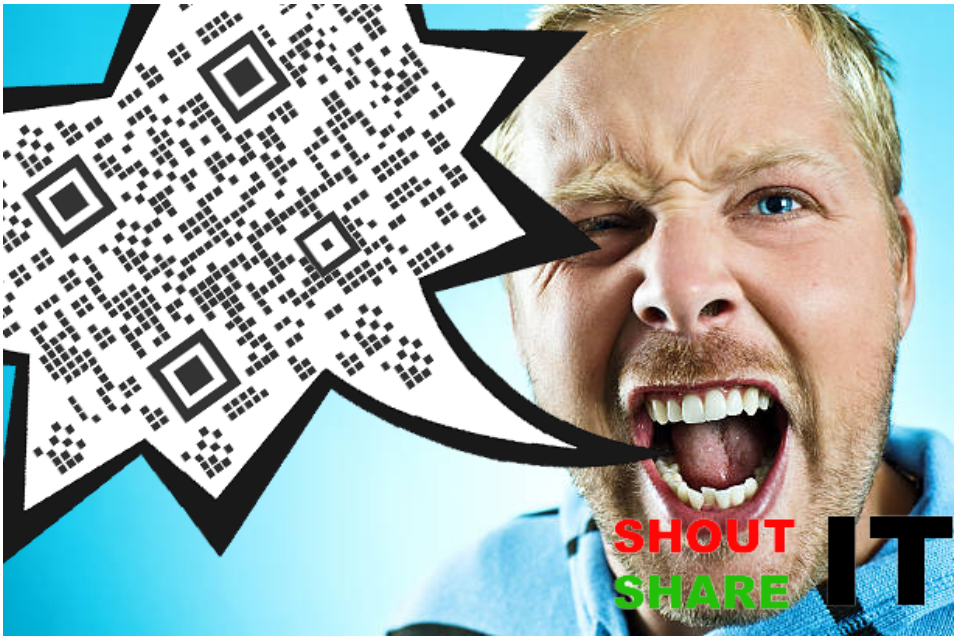
Город отважных

Юрий Федорович Стрехнин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книжка из серии «Дедушкины медали», рассказывающая о медали «За оборону Одессы».

[4] — так обозначены номера страниц.

- Стрехнин Юрий Федорович
  - Записка, найденная в бутылке
  - Враг у ворот!
  - Нина-пулемётчица
  - Штык — молния
  - Непонятные танки
  - Артиллерия, огонь!
  - Удар с неба
  - «Больше стрелять не будет»
  - Грозные невидимки
  - Последняя ночь
  - Подземная крепость
  - Флаг над городом
  - «Наши идут!»
  - Если будете в Одессе…

Стрехнин Юрий Федорович
Город отважных

Записка, найденная в бутылке

Это случилось вскоре после войны. Возле окраины Одессы трактор пахал совхозное поле. Вдруг в борозде что-то блеснуло. Тракторист остановил машину. Оказалось, плуг выворотил бутылку. В ней лежала какая-то пожелтевшая бумага. Тракторист достал её и прочёл:

> «В этом месте… третий батальон 3-его полка… морской пехоты небольшим количеством людей сдерживал врага… Победа будет за нами. Октябрь, 1941 г.»

В давние времена, если корабль погибал, моряки бросали в море бутылку с запиской — весточкой о своей судьбе. Этому старинному обычаю последовали и моряки, которые сражались на этом поле: ведь они не знали, останутся ли живы в тяжёлых боях. Но весть об их подвиге, подвиге защитников Одессы, дошла до наших дней.

Одесса — большой, красивый город и важный морской порт на берегу Чёрного моря, неподалёку от советско-румынской границы.

Когда фашисты напали на нашу страну, им хотелось скорее захватить Одессу. В августе 1941 года на город наступали не только германские войска. Фашисты погнали воевать против нас и румынских солдат. Половина тогдашней румынской армии шла на Одессу. [4]

На каждого нашего бойца под Одессой приходилось шесть вражеских солдат, на каждую нашу пушку — пять пушек врага. И самолётов, и танков у фашистов было больше, чем у нас. Да ещё местность возле Одессы такая, что держать оборону трудно: ровная степь, для танков преград нет, всюду поля высокой кукурузы; за нею трудно увидеть противника.

И хотя наши бойцы уничтожили много тысяч вражеских солдат, всё же через полтора месяца после начала войны фашистские войска подошли вплотную к Одессе.

В окрестностях Одессы фашисты захватили водопроводную станцию. В городе перестала течь из кранов вода. Думали фашисты: останется Одесса без воды — сдастся им на милость.

Но жители долбили каменистую землю, пробивали колодцы. Мало воды удавалось добыть из них, не хватало её многолюдному городу. Воду выдавали по карточкам. Люди страдали от жажды. Но мужество их не покидало.

Враг у ворот!

И не по дням — по часам росла армия защитников города. Добровольцами шли все — коммунисты, комсомольцы, старики, молодые. Военные моряки-черноморцы шли с кораблей в полки морской пехоты. Прибывало в Одессу морем и пополнение.

Десятки тысяч горожан рыли на подступах к городу окопы, противотанковые рвы, строили блиндажи, ставили проволочные заграждения. На улицах росли баррикады. Даже малые ребятишки помогали: из кружек поливали швы между камней, чтобы цемент спаял их крепче.

А на заводах и фабриках, даже на тех, где раньше делали игрушки, стали выпускать гранаты и миномёты.

Над заводскими проходными огромными буквами было написано: «Всё для фронта!»

Многие рабочие ушли в армию. Но встали к станкам ребята-подростки, их матери, вернулись в цеха пенсионеры. И фронт получал всё необходимое.

Нужнее всего бойцам были патроны, гранаты, снаряды и мины — те, что кладут на пути вражеских танков, да ещё бутылки с горючей смесью, которые в танки кидают, чтобы их зажечь.

Однажды на передовую сообщили, что скоро привезут противотанковые мины и бутылки с горючкой. Вскоре в окопы доставили несколько ящиков. Распаковали бойцы один, написано на нём «мины», смотрят — а вместо мин там большие консервные банки. На банках этикетки: «икра баклажанная», «повидло», «помидоры». А в другом ящике — бутылки с наклейками [6] «лимонад». Помидорами да лимонадом танки бить? Но оказалось — и в самом деле мины: взрывчаткой консервные банки начинены; в бутылках — не лимонад, а горючая смесь. Мины на консервном заводе делали, а зажигательные бутылки — на лимонадном. Обрадовались бойцы:

— Угостим фашиста взрывчатой икрой, напоим горючим лимонадом!

Нина-пулемётчица

Была до войны в Одессе фабрика «Друзья детей». Называлась она так потому, что на ней вязали для ребят кофточки, шарфики, шапочки. Работала там комсомолка Нина Онилова.

Когда началась война, Нина сразу же добровольно в армию пошла медсестрой. Много раненых вытащила из-под огня. Но очень хотелось Нине самой захватчиков бить. Стала просить, чтоб её в пулемётчики взяли. Из пулемёта стрелять она ещё раньше научилась.

…И вот Нина — уже за пулемётом. Лежит, в прорезь щитка смотрит. Впереди поле открытое, на дальнем краю хлеба золотятся. В той стороне противник. Только не видно его пока… [7]

А вот и показался!

Идут враги цепью, по всему полю, от края до края. Всё ближе, ближе…

— Стреляй! — шепчет Нине боец, который рядом. — Стреляй, а то они сейчас здесь будут!

А Нина не стреляет.

Вражеские солдаты всё ближе. Рукава засучены, грудь нараспашку, каски на лбы надвинуты, автоматы чёрные наперевес.

— Стреляй!.. — снова торопит Нину боец. А она молчит. Вот уже шагов сто, не больше, фашистам до наших окопов осталось. Сейчас рванутся…

Тут и ударила Нина из пулемёта. Длинной очередью скосила всю цепь. Захлебнулась вражеская атака.

Говорили потом Нине её боевые товарищи:

— Молодец, сестра! На «отлично» экзамен на пулемётчицу сдала!

И после Нина так же ловко с пулемётом управлялась. Но ранило её тяжело. Отправили Нину морем в тыл. А когда вылечилась — снова на фронт, опять к пулемёту.

Не пришлось Нине дожить до нашей полной победы. Погибла отважная пулемётчица от смертельной раны. Был у Нины дневник. А в нём такие строки:

> «Всегда думай о том, что борешься за свою Родину, и тебе будет очень легко». [8]

Штык — молния

Однажды, когда противник в атаку пошёл и почти добрался до наших позиций, бросились бойцы ему навстречу. Вплотную сошлись, штык на штык. И случилось, что молодого бойца — добровольца Бегельфера и его командира, лейтенанта Буравченко, от своих враги оттеснили. Видит Бегельфер — окружён лейтенант фашистами, отбиваться едва успевает. Ринулся на выручку. Свалил штыком одного вражеского солдата, другого… Да не успел выручить лейтенанта — падает тот, убит! Загорелось сердце бойца — отомстить за командира! Он уже не смотрел, сколько перед ним врагов, — штыком успевай работать!

Бьётся Бегельфер в неравном бою. Враги вокруг — вплотную. Не стреляют — боятся в своих попасть. Штыками норовят достать. Но Бегельфер штыком лучше их орудует: то одного свалит, то другого.

Однако страшно ему: отобьётся ли? Успеют ли товарищи выручить?

Успели! Пробились к Бегельферу. Побежали враги. На месте остались двадцать, которых Бегельфер заколол.

— В твоих руках штык — как молния! — восхитились товарищи.

И верно — молния! Вся схватка, от первого штыкового удара Бегельфера до последнего, заняла не больше времени, чем нужно, чтобы прочесть этот рассказ об отважном одессите.

Непонятные танки

Под Одессой танков у противника было много. Против танков без танков воевать трудно. А где их взять? Можно бы морем, на кораблях привезти. Но танков в начале войны у нас везде не хватало. Оставалось одно — самим себя в Одессе танками обеспечить.

Однажды противник послал в атаку вместе со своей пехотой и танки. Как бывало и раньше, отразили бойцы и эту атаку. Перед нашими окопами осталось несколько подбитых фашистских танков. От одних — чёрный дым по полю стелется. А другие целы на вид.

Стало смеркаться.

Смотрят наши бойцы из окопов: тех танков, что не сгорели, на поле пять стоит. А что, если их к себе перетащить? Может [9] быть, починить удастся? Только сейчас за ними не сунешься: враг всё поле под обстрелом держит. Надо ночи дождаться.

Стемнело наконец. Тогда подобрались к подбитому танку наши бойцы, привязали к нему длинный трос — проволочный канат. А другой конец троса к трактору прицепили, и тот, с приглушённым мотором, потихоньку танк уволок. Так один за другим все пять танков на нашу сторону и перетащили. Фашисты слышали, что мотор рокочет, но в темноте не разобрали где. Стреляли наугад, да только впустую.

А танки повезли в Одессу на ремонтный завод.

Вскоре пять трофейных танков были уже на ходу. Рабочие закрасили на них фашистские кресты — красные звёзды нарисовали. Передали машины танкистам.

— Воюйте! Бейте врага его оружием!

И вот идут фашисты в который уже раз в атаку. Вдруг на поле вдалеке танки показались. Обрадовались фашисты: свои, подмога! Но что это? По виду танки — свои, а бьют из пушек, из пулемётов не в сторону русских, а наоборот. Ошибка? Нет, не ошибка! На танках — красные звёзды! Позабыли фашисты об атаке, побежали от этих «своих» танков.

А в другой раз так случилось. Сидели, как обычно, в окопах вражеские пехотинцы, артиллеристы позади — у пушек, а ещё [11] дальше, в деревне, фашистский штаб помещался. Не боялись гитлеровцы, что наши наступать вздумают, знали: сил для этого у защитников Одессы мало, танков почти совсем нет. Сами готовились наступать.

Вдруг видят враги — в поле танки появились. Да не один, не два, а десятка три. И странные: с высокими угловатыми башнями.

Новые какие-то! И как быстро движутся!

Спохватились фашисты, скорее — по танкам стрелять! Но поздно, танки вот они! Через окопы перекатываются, прямым ходом на пушки… Не выдержали вражеские артиллеристы — бросили пушки.

А танкисты, времени не теряя, из танков выскакивают, цепляют к ним брошенные пушки и полным ходом, пока враг не опомнился, — обратно к себе, на позиции.

Двадцать четыре пушки танкисты утащили.

Откуда же у наших под Одессой появилось вдруг сразу столько танков? Морем их привезли?

Нет. Сделали на месте, на одесских заводах. Сделали, можно сказать, из ничего. Для танков броня нужна. Брони настоящей не было. Пришлось думать, чем заменять броню. Нашлись тонкие стальные листы. Такой лист пробьют и пуля, и самый маленький осколок. Брали по два листа, между ними вкладывали либо доски, либо резину — чтобы пули и осколки застревали. Хотя и не очень прочная, но всё-таки броня. Из неё собирали башни, укрепляли на гусеничных тракторах, в башни ставили пулемёты, а то и пушки маленькие. Конечно, это были не настоящие танки.

— Такими танками фашиста только на испуг брать, — говорили бойцы.

Так шутя и называли эти танки «на испуг», сокращённо — «НИ».

Артиллерия, огонь!

Трудно было пехотинцам под Одессой отбивать атаки врага. Но имелись у них верные друзья — артиллеристы. Ещё задолго до войны были построены береговые батареи — стрелять по вражеским кораблям. Пушки этих батарей большие, дальнобойные, за бетонными стенами укрыты. Когда батареи строили не рассчитывали, что придётся стрелять по суше. Но пришлось.

Одной из береговых батарей командовал капитан Зиновьев. [12]

На рассвете в приборы наблюдения — в дальномеры и стереотрубы — разглядели, что далеко, на вражеской стороне, по дороге тракторы-тягачи большие пушки везут.

Доложили капитану, спрашивают:

— Разрешите открыть огонь?

— Рано! — отвечает капитан. — Подпустим ближе.

Спокойно едут вражеские артиллеристы, не знают, что вся их колонна — уже под прицелом.

Подождал капитан Зиновьев, пока ещё ближе подъедут, скомандовал:

— Огонь!

Выстрел, второй, третий… Всю вражескую колонну дымом окутало.

Прогремело восемнадцать выстрелов.

— Отбой! — даёт команду капитан.

А на дороге — пушки разбитые валяются, тягачи горят…

Вот и доехали враги до новой позиции!

Как-то наблюдатели через свои приборы ещё за много километров высмотрели большую колонну вражеских грузовиков с солдатами. Колонна шла по степной дороге к лиману — длинному заливу, каких возле Одессы много. Фашисты хотели пере-[13]ехать лиман по дамбе — земляной насыпи, по которой пролегла дорога. Батарейцы и на этот раз не спешили. Дождались, когда вся колонна машин втянулась на дамбу. И ударили — сначала впереди колонны, потом позади. Разрушили дамбу — врагам ходу нет ни вперёд, ни назад. Вот тут и начали артиллеристы снарядами их молотить. От вражеской колонны только дым остался.

Однажды противник начал новую атаку. По широкому полю вражеская пехота цепью идёт. Приготовились стрелки и пулемётчики стрелять. Прислушиваются: вот-вот должны ударить наши пушки. А пушки молчат. В чём дело?

И вдруг сзади непонятный рёв раздался. Видят бойцы — над их головами небо прошили десятки огненных стрел, а впереди, где вражеская пехота, вздымаются пламя и дым фонтанами, высокими, как многоэтажный дом.

Заметались враги. Как вспыхнет, как грохнет — всё вокруг в огне, земля — и та горит, нет спасенья… Огненные снаряды!

Что же за снаряды это были? Это дали залп наши «катюши». До сих пор не было под Одессой «катюш». Подвезли их морем, и узнал враг, что такое русская «катюша». Это ракетная установка, от одного залпа которой сразу 16 мин взвиваются над землёй. [15]

Удар с неба

Хотя у защитников Одессы самолётов было меньше, чем у врага, но боялся он наших соколов. Смело даже один наш лётчик-истребитель бросался в бой на нескольких врагов. Наши бомбардировщики, прорываясь сквозь зенитный огонь, сбрасывали бомбы на войска противника, а в море — на его корабли.

Вылетел однажды бомбить фашистов наш бомбардировщик. Командовал им лейтенант Булыгин, вторым пилотом был лейтенант Колесник, стрелками-радистами — Титов и Кусенков, все комсомольцы. Подошли к цели — и тут противник встретил их огнём зенитных пушек. Загорелся самолёт. Но все бомбы сбросил точно. Теперь — скорее до родного аэродрома долететь.

А пламя всё сильнее. Нет, не дотянуть до аэродрома…

Выпрыгнуть, раскрыть парашюты?

И вдруг увидели: ползут по дороге фашистские танки.

Повернули комсомольцы самолёт на вражескую колонну. А за ним — дым тянется. Вот-вот вспыхнет, взорвётся бензин в баках.

Погибать, так не задаром!

Направили комсомольцы самолёт прямо на танки!

Взрыв!

Танки в огне, рвутся в них снаряды, полыхает горючее, чёрный дым к небу валит.

Со славой погибли четверо комсомольцев.

А на дороге остались обгорелые, искорёженные танки — до Одессы они не дошли.

«Больше стрелять не будет»

Тёмная осенняя ночь. На позициях — тихо. Только в порту оживлённо: пришли суда с боеприпасами, их надо быстрее разгрузить, а обратным рейсом отправить раненых, детей, женщин. Надо всё сделать, пока темно. Наступит утро — по причалам начнут бить батареи врага. Они стоят теперь совсем близко к порту, возле пригородного села Григорьевка. С тех пор, как противник прорвался к берегу моря у Григорьевки, порт под обстрелом. Как заставить замолчать пушки врага?

Глубокой ночью фашисты услышали близ Григорьевки гул какого-то большого самолёта. Он пролетел, и снова стало тихо. [16]

Фашисты не знали, что с этого самолёта спрыгнули двадцать три наших моряка-парашютиста.

Скрытые темнотой, пробирались парашютисты к вражескому штабу, резали ведущие к нему телефонные провода.

Первым обнаружил штабной блиндаж матрос Негреба.

Отыскал отдушину, бросил в неё связку гранат.

Бухнул взрыв. Нет больше штаба!

И тут же по всему берегу вблизи Григорьевки забухали разрывы тяжёлых снарядов. Это открыла огонь артиллерия наших кораблей. Они подошли к Григорьевке, чтобы высадить десант. Стреляли крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эскадренные миноносцы «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный». Под прикрытием их огня к берегу устремились катера, баркасы, шлюпки с морскими пехотинцами.

Плохо воевать без штаба. Вразнобой, с опозданием начали отвечать огнём фашисты. Десантные суда были уже у самого берега. Десантники прыгали прямо в воду.

— Полундр-ра!.. — катилось по берегу. И перед вражескими солдатами возникали из тьмы те, кого они прозвали «чёрной смертью» — матросы в чёрных бушлатах.

Впереди был высокий обрыв, оттуда в десантников стреляли. [17]

Падали на береговую гальку матросы, скошенные пулями. Но рота, которой командовал младший лейтенант Чарупа, всё же ворвалась на кручу, сметая врагов. За ней устремились и другие роты.

К грохоту корабельных пушек прибавился гул батарей, стрелявших с восточной окраины Одессы. Оттуда начали наступать наши части.

Утром в посветлевшем небе появились вражеские самолёты.

Они начали бомбить корабли, берег, где высадился десант. Но наше наступление продолжалось. Морские пехотинцы хотя и несли потери от сильного огня врага, всё же вышибли его из Григорьевки, захватили тяжёлые орудия, ещё недавно бившие по одесскому порту.

Целый день не умолкал бой. К вечеру пехотинцы соединились с моряками-десантниками. Противника отбросили на десять километров. Его артиллерия уже не могла обстреливать порт.

Десантники вошли в Одессу с захваченными у врага пушками.

На одной из них была надпись, сделанная матросами:

«По Одессе она больше стрелять не будет». [18]

Грозные невидимки

Ночь в штабе румынской дивизии в селе Маяки вблизи Одессы началась, как и предыдущие ночи, спокойно. А что было тревожиться? От передовых позиций далеко, наступления русских ожидать не приходится, вокруг — патрули, заставы, часовые. Собака не пробежит, не то что человек. На охрану штаба поставлен целый батальон. Так что господа штабные офицеры могли спать без тревог.

Вот уже и заполночь. Самый крепкий сон…

Но что это?

Выстрелы, громыханье гранат, звон разбитых стёкол.

— Тревога! Русские!..

Мечутся по штабу офицеры и писари. Бегут поднятые по тревоге солдаты. Одни падают на ходу, сражённые пулями, летящими из тьмы. Другие стреляют в темноту наобум, не видя цели. Взметнулось косматое пламя — загорелся дом от разрыва гранаты. По зданию штаба откуда-то бьют пулеметы.

Непрерывно звонят штабные телефоны:

— Русские прорвали фронт!

— Срочно шлите помощь!..

Катят по ночным дорогам к штабу вызванные по тревоге танки, бронемашины. Поспешно выезжают на новые позиции батареи пушек — скорее остановить русских, не пустить их дальше!

И вдруг возле штаба, где только что слышалась ожесточённая стрельба, стало тихо.

Удивляются враги:

— Куда исчезли русские? Отступили?

А наши в эту ночь и не собирались наступать. Полсотни партизан, во главе с командиром Солдатенко, после полуночи незаметно, скрываясь в кукурузе, пробрались к селу, окружили штаб, разгромили его, а заодно и зенитную батарею. Разгромили — и скрылись в зарослях кукурузы.

Так бывало не раз — неожиданно для врага появлялись партизаны, били его и скрывались бесследно. Как невидимки.

Последняя ночь

В начале ночи с пятнадцатого на шестнадцатое октября сорок первого года по затемнённым, почти безлюдным улицам Одессы медленно двигалась грузовая машина. Два бойца, стоя в кузове, [20] понемногу сбрасывали лопатами назад меловой порошок. За машиной на мостовой оставался и в темноте хорошо заметный белый след: он вёл через весь город к порту. По этому следу, чтобы в темноте не потерять дороги, двинулись молчаливые колонны бойцов.

Держать оборону дальше не хватало сил. Войска в эту ночь оставляли город. Они уходили в Крым — оборонять Севастополь. Таков был приказ.

Ещё раньше морем вывезли детей, женщин. На суда погрузили и отправили машины и станки с фабрик и заводов. Вывезли даже паровозы. С этим грузом уезжали и рабочие.

На переднем крае в эту ночь стояло обычное затишье. Противник не знал, что там уже не осталось наших бойцов. Место красноармейцев заняли партизаны. Они перебегали из окопа в окоп, изредка стреляя, — врагу казалось, что оборона сильна по-прежнему.

Закончив погрузку, корабли один за другим покидали порт. Вот отошёл последний корабль. Остался только катер, ожидающий сапёров.

В безлюдном порту прогремели взрывы. Это сапёры взорвали мол, причалы, краны, чтобы ими не воспользовался враг.

В пять утра катер, забрав сапёров, вышел из порта. [21]

Далеко в море до отказа загруженные всем, что нужно было увезти из Одессы, шли боевые корабли и транспортные суда, держа курс на Севастополь. А за ними тянулись сотни катеров, шаланд, шхун, баркасов, шлюпок — всё, на чём можно было плыть, заполнили жители города, которые решили уйти вместе с войсками.

Наступило пасмурное, хмурое утро. Тяжёлые серые тучи нависли над морем. Но они не могли прикрыть шедшие из Одессы суда и корабли. При свете дня их обнаружила вражеская авиация, бомбардировщики, истребители набросились на них. Но корабли, отбиваясь из зенитных пушек и пулемётов, прикрывая огнём невооружённые суда, продолжали идти прежним курсом.

Все наши корабли и суда дошли до Севастополя почти без потерь.

А на передовых позициях возле Одессы продолжалось затишье. Обманутый редкими выстрелами партизан, противник

всё ещё думал, что защитники города по-прежнему держат оборону. Только после восьми часов утра, когда партизаны, как было условлено, незаметно ушли из окопов, немцы и румыны послали разведку, и та доложила, что в русских окопах — ни души. [23]

Подземная крепость

Фашисты вошли в Одессу. Но взять её полностью им не удалось. Свыше двухсот километров тянутся те улицы города, куда они не смели и носа показать. Улицы эти были подземными. Хозяевами там оставались советские люди. Там, под землёй, продолжала жить советская Одесса, не покорённая врагом. Да, всего города враг так и не взял. Он овладел только «верхней» Одессой.

А что такое «нижняя» Одесса?

Когда-то давно первые строители города нашли под землёй залежи строительного камня. Камень стали выбирать, прорывая в нём пещеры. Постепенно образовалась огромная сеть подземных проходов, залов, галерей — катакомбы.

В начале обороны катакомбы использовали как убежище от обстрелов и бомбёжек. Туда переселились десятки тысяч жителей — целыми семьями, со всем имуществом, некоторые держали там даже кур, коз, коров. В катакомбах действовали школы — более двух тысяч ребят учились в подземных классах.

Когда поступил приказ нашим войскам оставить город, в катакомбах, в тайниках, спрятали для партизан продовольствие, патроны, гранаты и даже книги.

К тому времени, когда из порта уходил последний корабль, в катакомбы уже спустились партизанские отряды. Последними были те партизаны, которые оставались на линии обороны вместо ушедших красноармейцев.

А захватчики сначала и не догадывались, какая опасность таится у них под ногами.

…Подходит к Одессе поезд. Поезд особый — все пассажиры в нём важные: фашистские чиновники, присланные управлять Одессой. Уже выглядывают они из окон вагонов: «Каков этот город, в котором мы уже хозяева?»

Вдруг раздаётся громкий взрыв, и все вагоны летят под откос.

Взорвали этот поезд вышедшие из катакомб партизаны, которыми командовал капитан Молодцов.

Много вылазок устраивали партизаны. То военный склад подожгут, то казарму обстреляют, то нескольких офицеров убьют, то провода перережут — и скроются под землю. Попробуй, излови их!

Очень хотелось оккупантам покончить с партизанами. У входов в катакомбы караулы поставили, чтобы никого не впускать, [24] не выпускать. Но партизаны знали такие ходы, какие фашистам не были известны.

Попробовали фашисты в катакомбы войти и там с партизанами расправиться. Да только ничего из этого не вышло: под землёй темень, без фонарей не обойтись. А с фонарями идти — наверняка под партизанскую пулю попасть. Попробовали оккупанты по входам и по отдушинам из пушек стрелять. Да никакого толку: уйдут партизаны в глубь катакомб — никаким снарядом их не достать. Пытались фашисты партизан газами травить — тоже не получилось. Пустят газ в катакомбы в одном месте — партизаны по ходам уйдут дальше.

Знали оккупанты, нелегко партизанам в подземельях: сырость постоянная, мрак, с питанием трудно, воды недостаточно. Враги постарались лишить партизан тех колодцев, которыми они пользовались — отравляли, заливали нефтью.

Рассчитывали враги: станет партизанам в катакомбах совсем невыносимо не выдержат, выйдут, сдадутся.

Но партизаны держались.

Решили фашисты, когда в катакомбах уже совсем голодно стало, выманить оттуда партизан. Подвезли к одному из входов [25] полевую кухню, стали жителей ближних деревень угощать и в рупор всё время кричали:

— Партизан, хочешь кушать? Выходи, накормим!

Но не поддались партизаны на запах жирного борща, на вид белого хлеба, который враги у входа выложили.

Тогда фашисты решили партизан запугать. Написали требование:

> «Даём срок — выходите, не выйдете — всех вас погубим!»

Схватили мальчика, что жил неподалёку от входа в катакомбы, приказали:

— Иди под землю, передай наш пакет партизанам.

Отказался мальчик выполнить фашистский приказ. Стали фашисты мучить его. Но мальчик так и не покорился врагам. Уже бесчувственному, сунули ему за пазуху пакет с ультиматумом, притащили к входу в катакомбы и бросили там.

Партизаны мальчика нашли, унесли к себе. Рассмотрев, что те с пареньком сделали, решили:

— Отомстим за него!

В фашистском пакете, который партизаны у мальчика нашли, было указано:

> «Наверху будет ждать офицер в белых перчатках, выходите к нему». [27]

Вышли партизаны. Только не к офицеру в белых перчатках, а к комендатуре — взорвали её.

Фашисты после этого решили всех партизан под землёй заживо похоронить.

Заложат у входа взрывчатку, взрыв — и вход камнями завален. А то ещё и бетоном зальют.

Но дома, как говорится, и стены помогают. Партизаны находили новые выходы, врагу неведомые, и продолжали своё дело.

Флаг над городом

Утром седьмого ноября сорок третьего года вся Одесса была взбудоражена.

— Смотрите, смотрите! — показывали друг другу жители. Метались встревоженные полицейские, разгоняли людей:

— Не смотреть! Не смотреть!

А над городом, на самой высокой колокольне, видное отовсюду, развевалось большое красное знамя. На стенах домов алели крупные надписи: «Да здравствует Октябрь!», «Смерть фашизму!»

Красное знамя на колокольне ночью укрепили юные партизаны комсомольский вожак Маруся Винницкая и Жора Колюбакин. Не сразу удалось оккупантам снять флаг.

А через некоторое время случилось ещё одно происшествие, приведшее захватчиков в ярость. В самых людных местах города на свежем снегу алели тысячи пятиконечных звёздочек, напоминая, что Одесса остаётся советским городом. Эти звёздочки вырезали из бумаги и, рискуя жизнью, разбросали комсомольцы.

Однажды командир партизанского отряда дал комсомольцам задание: раздобыть продовольствие и доставить его в катакомбы.

Где достать продукты? Конечно, не у жителей, они и так голодают. Значит — у фашистов. И Маруся с товарищами разработали план…

Сначала они угнали немецкий военный грузовик и спрятали в глухом дворе. Затем с пистолетами ворвались в давно примеченную квартиру, где жили три фашистских офицера, отобрали у них документы и заставили снять форму. А потом, переодевшись в неё, на припасённом грузовике подъехали к военному [28] продовольственному складу и, выдав себя за гитлеровцев, получили консервы, муку, сахар, масло. Всё это увезли на грузовике, а ночью передали продукты в катакомбы.

Всё время, пока фашисты были в Одессе, партизаны продолжали бороться с ними. Зверски расправлялись фашисты с партизанами, если захватывали их. На место погибших становились новые бойцы. Одесса оставалась непокорённой.

«Наши идут!»

Начинался апрель сорок четвёртого года. Свежий весенний ветер доносил до города с востока гул пушек. С надеждой прислушивались к нему жители: «Наши идут!»

Но фашисты всё-таки надеялись удержать город. У них было две армии: немецкая и румынская. А ещё фашисты рассчитывали, что советским войскам помешает наступать весенняя распутица. К тому же на пути наступающих было несколько лиманов. Холодная вода, вязкое дно, глубина местами больше человеческого роста — трудно перейти лиман. Есть кое-где поперёк лиманов насыпи — дамбы. Но на них и на берегах лиманов враг окопался, наставил пушек, пулемётов, миномётов. [29]

Однако советские войска — Третий Украинский фронт, которым командовал генерал армии Малиновский, сам одессит, — решительно шли к Одессе.

Непроглядно-тёмной, сырой ночью взвод автоматчиков под командованием лейтенанта Дзюбы вышел к берегам Тилигульского лимана — первой большой водной преграды перед Одессой. Дзюба имел приказ пробиться на противоположный берег и закрепиться там.

В кромешной тьме, по пояс в холодной воде, повёл лейтенант Дзюба своих автоматчиков через лиман.

В любую минуту враг мог обнаружить их, открыть стрельбу — а в воде не ляжешь, не окопаешься.

Противник заметил автоматчиков только тогда, когда они преодолели лиман. Совсем близко перед ними в черноте ночи замелькали злые огни вражеских выстрелов.

Всё решали секунды.

— Вперёд! — крикнул Дзюба.

Стреляя на ходу, автоматчики ринулись к вражеским окопам. Разрывы гранат. Короткие очереди в упор. Взмахи прикладов… Завязалась рукопашная схватка. Враг дрался отчаянно. Но всё [31] же через несколько минут его окопы были захвачены. Лейтенант распорядился:

— Занять оборону, патроны беречь! Держаться, пока не подойдут наши!

Фашисты били из пушек, миномётов, стреляли из пулемётов, бросались в атаки, пытаясь оттеснить отважный взвод назад в лиман. Многие автоматчики были ранены, убиты. Мало осталось их в строю. Но взвод, зарывшись, стоял насмерть. Он удержал захваченный кусок земли. И это помогло основным нашим силам перейти лиман.

Чтобы остановить наше наступление, фашисты в одном месте взорвали дамбу — она, как плотина, удерживала воду, скопившуюся в лимане после таяния снегов. Вода, выходя из берегов, затапливала дороги, по которым наступали наши войска. Бойцам иной раз приходилось идти по грудь в холодной воде. Но это не задержало их.

Наши войска спешили: было известно, что фашисты, потеряв надежду удержать город, готовятся, уходя, сжечь и взорвать лучшие здания, заводы, уничтожить целые кварталы.

Утром девятого апреля бойцы-освободители увидели, наконец, долгожданную Одессу. До неё теперь было, что называется, рукой подать.

И вот приказ: последний штурм!

Неумолимо шла на врага, рассыпавшись в цепи, пехота. Покачиваясь на гусеницах, рыча моторами, стреляя с ходу, катили танки и самоходные пушки. А когда оборона противника была, наконец, прорвана и до окраины Одессы осталось совсем немного, на врага лавиной, с развёрнутыми знаменами, сверкая клинками, помчались конники.

Тем временем в самом городе тоже шёл бой: партизаны вышли из катакомб.

И вот над городом снова заполыхало красное знамя.

Одесса стала свободной от врага. Свободной навсегда.

Если будете в Одессе…

Одессой нельзя не залюбоваться. Светлые здания, шумные улицы, тенистые парки и бульвары, золотистые пляжи и — море…

Много в городе замечательных мест. Но есть одно, куда необходимо прийти прежде всего. [32]

Широкая аллея ведёт к этому месту — аллея Славы. По её сторонам, под сенью старых, раскидистых деревьев — строгие ряды каменных плит. На плитах имена тех, кто отдал жизнь в боях за Одессу. А в конце аллеи, где голубеет море, на фоне его высится четырёхгранный обелиск — памятник Неизвестному матросу. Может быть, это тот самый матрос, чью записку в бутылке выпахал трактор после войны на совхозном поле… Замерев, стоят на посту у памятника ребята в матросской форме, с автоматами на груди — почётный караул. Они несут свою вахту в честь тех, кто защищал и освобождал город. Медалью «За оборону Одессы» отмечен их подвиг в сорок первом. Одесса — славный город, на знамени которого — Золотая Звезда Героя…

Если вам когда-нибудь доведётся побывать в Одессе, обязательно придите на аллею Славы. И положите цветы Неизвестному матросу.